

Александр Александрович Блок

Стихотворения 1914 года
(Полное собрание стихотворений)

Содержание

ЧЕРНАЯ КРОВЬ	0006
1	0006
2	0007
3	0008
4	0009
5	0010
6	0011
7	0012
8	0013
9	0015
«О, я хочу безумно жить...»	0016
«Я — Гамлет. Холодеет кровь...»	0017
«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»	0018
ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ	0020
1	0020
2	0022
3	0023
4	0024
5	0025
6	0026
7	0029
8	0030
«Как день, светла, но непонятна...»	0032
«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...»	0034

ГОЛОС ИЗ ХОРА	0036
КАРМЕН	0038
1	0038
2	0039
3	0040
4	0041
5	0042
6	0043
7	0045
8	0046
9	0047
10	0049
«Петербургские сумерки снежные...»	0051
ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ	0053
«Смычок запел. И облак душный...»	0056
КОРОЛЕВНА	0057
«Я помню нежность ваших плеч...»	0059
«Ты жил один! Друзей ты не искал...»	0060
«Грешить бесстыдно, непробудно...»	0061
«Задобренные лесом кручи...»	0063
«Та жизнь прошла...»	0065
«Была ты всех ярче, верней и прелестней...»	0066
0066	
«Ветер стих, и слава заревая...»	0067
ЖЕНЩИНА	0069
«Петроградское небо мутилось дождем...»	0072
«Рожденные в года глухие...»	0075
АНТВЕРПЕН	0077

«Он занесен — сей жезл железный...»	0079
«Я не предал белое знамя...»	0080
«Разлетясь по всему небосклону...»	0081
«Распушилась, раскачнулась...»	0082

Александр Блок
СТИХОТВОРЕНИЯ 1914 ГОДА

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

1

*Вполоборота ты встала ко мне,
Грудь и рука твоя видится мне.*

*Мать запрещает тебе подходить,
Мне — искушенье тебя оскор-
бить!*

*Нет, опустил я напрасно глаза,
Дышит, преследует, близко —
гроза...*

*Взор мой горит у тебя на щеке,
Трепет бежит по дрожащей ру-
ке...*

*Ширится круг твоего мне огня,
Ты, и не глядя, глядишь на меня!*

*Пеплом подернутый бурный ко-
стер —
Твой не глядящий, скользящий
твой взор!*

*Нет! Не смирит эту черную кровь
Даже — свидание, даже — любовь!*

2 января 1914

2

*Я гляжу на тебя. Каждый демон
во мне*

*Притаился, глядит.
Каждый демон в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...*

*И вздымается жадная грудь...
Этих демонов страшных вспуг-
нуть?*

*Нет! Глаза отворотить, и не
сметь, и не сметь
В эту страшную пропасть гля-
деть!*

22 марта 1914

*Даже имя твое мне презренно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воем поток многопенный,
Из пустыни подходит гроза.*

*Глаз молчит, золотистый и карий,
Горла тонкие ищут персты...
Подойди. Подползи. Я ударю —
И, как кошка, ощерись ты...*

30 января 1914

О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с
тобой
В объятия страшные. Чтоб долго
длились муки,
Когда — ни расплести сцепившие-
ся руки,
Ни разомкнуть уста — нельзя во
тьме ночной!

Я слепнуть не хочу от молнии
грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неисто-
вые звуки!),
Ни испытать прибором неизречен-
ной скуки,
Зарывшись в пепел твой горящей
головой!

Как первый человек, божествен-
ным сгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег
рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив
яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядови-
тый взгляд
Иной пророчит рай! — Я уступаю,
зная,
Что твой змеиный рай — бездон-
ной скуки ад.

Февраль 1912

5

Вновь у себя... Унижен, зол и рад,
Ночь, день ли там, в окне?
Вон месяц, как паяц, над кровля-
ми громад
Гримасу корчит мне...

Дневное солнце — прочь, раская-
ние — прочь!
Кто смеет мне помочь?
В опустошенный мозг ворвется
только ночь
Ворвется только ночь!

В пустую грудь один, один проник-
нет взгляд,
Вопьется жадный взгляд...
Всё отойдет навек, настанет ни-
когда,

Когда ты крикнешь: Да!

29 января 1914

6

*Испугом схвачена, влекома
В водоворот...
Как эта комната знакома!
И всё навек пройдет?*

*И, в ужасе, несвязно шепчет...
И, скрыв лицо,
Пугливых рук свивает крепче
Певучее кольцо...*

*...И утра первый луч звенящий
Сквозь желтых штор...
И чертит бог на теле спящей
Свой световой узор.*

2 января 1914

*Ночь — как века, и томный трепет,
И страстный бред,
Уст о блаженно-странном лепет,
В окне — старинный, слабый свет.*

*Несбыточные уверенья,
Нет, не слова —
То, что теряет всё значенье,
Забрезжит бледный день едва...*

*Тогда — во взгляде глаз усталом
Твоя в нем ложь!
Тогда мой рот извивом алым
На твой таинственно похож!*

27 декабря 1913

*Я ее победил, наконец!
Я завлек ее в мой дворец!*

*Три свечи в бесконечной дали.
Мы в тяжелых коврах, в пыли.*

*И под смуглым огнем трех свеч
Смуглый бархат открытых плеч,*

*Буря спутанных кос, тусклый
глаз,
На кольцо — померкший алмаз,*

*И обугленный рот в крови
Еще просит пыток любви...*

*А в провале глухих окон
Смутный шелест многих знамен,*

*Звон и трубы, и конский топ,
И качается тяжкий гроб.*

*— О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни!..*

— Отгони непонятный страх —
Это кровь прошумела в ушах.

Близок вой похоронных труб,
Смутен вздох охладевших губ:

— Мой красавец, позор мой, бич....
Ночь бросает свой мглистый
клич,

Гаснут свечи, глаза, слова...
— Ты мертва наконец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою,—

Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

Октябрь 1909 (Июль 1914)

*Над лучшим созданием божьим
Изведал я силу презренья.
Я палкой ударил ее.*

*Поспешно оделась. Уходит.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизые окна мои.*

*И нет ее. В сизые окна
Вливается вечер ненастный,
А дальше, за мраком ненастья,*

*Горит заревая кайма.
Далекое, влажные доли
И близкое, бурное счастье!*

*Один я стою и внимаю
Тому, что мне скрипки поют.
Поют они дикие песни*

*О том, что свободным я стал!
О том, что на лучшую долю
Я низкую страсть променял!*

«О, я хочу безумно жить...»

*О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!*

*Пусть душит жизни сон тяжё-
лый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,—
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:*

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!*

5 февраля 1914

«Я — Гамлет. Холодеет кровь...»

*Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.*

*Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.*

6 февраля 1914

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»

Ты помнишь? В нашей бухте сонной

*Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.*

*Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.*

*Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.*

*И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...*

*Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо*

И самой малой новизне.

*Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет стран-
ным,
Закутанным в цветной туман!*

1911 -6 февраля 1914
Aber Wrack, Finistere

ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

1

Весь день — как день: трудов исполнен малых

И мелочных забот.

*Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.*

Волнуешься, — а в глубине покорный:

Не выгорит — и пусть.

*На дне твоей души, безрадостной
и черной,*

Безверие и грусть.

*И к вечеру отхлынет вереница
Твоих дневных забот.*

*Когда ж в морозный мрак за-
смотрится столица*

И полночь пропоет,—

И рад бы ты уснуть, но — страшная минута!

Средь всяких прочих дум —

Бессмысленность всех дел, безра-

достность уюта
Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так нежно
горло:

Ни охнуть, ни вздохнуть,
Как будто ночь на всё проклятие
простерла,
Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы
глухие,

Но некому помочь:
Куда ни повернись — глядит в глаза
пустые
И провожает — ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках
простонет

До бледного утра;
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит

Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная
усталость,

И станет всё равно...
Что? Совесть? Правда? Жизнь?

*Какая это малость!
Ну, разве не смешно?*

11 февраля 1914

2

*Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.*

*В голубом морозном своде
Так приплюснут диск больной,
Заплевавший всё в природе
Нестерпимой желтизной.*

*Уходи и ты. Довольно
Ты терпел, несчастный друг,
От его тоски невольной,
От его невольных мук.*

*То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.*

30 декабря 1913 (12 февраля 1914)

*Всё свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,
И конец очарованьям
Постепенно наступил.*

*Был в чаду, не чужа чада,
Утешался мукой ада,
Перечислил все слова,
Но — болела голова...*

*Долго, жалобно болела,
Тело тихо холодело,
Пробудился: тридцать лет.
Хватать-похватать, — а сердца нет.*

*Сердце — крашеный мертвец.
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.*

30 декабря 1913 (12 февраля 1914)

*Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделение,
Свидетелей он не искал.*

*А было их, впрочем, не мало:
Дворовый щенок голосил,
В воротах старуха стояла,
И дворник на чай попросил.*

*Когда же он медленно вышел,
Подняв воротник, из ворот,
Таращил сочувственно с крыши
Глазищи обмызганный кот.*

*Ты думаешь, тоже свидетель?
Так он и ответит тебе!
В такой же гульбе
Его добродетель!*

30 декабря 1913 (12 февраля 1914)

Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
«Где деньги твои?» — «Снес в ка-
бак». —
«Где сердце?» — «Закинуто в
омут».

«Чего ж тебе надо?» — «Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи, смиренен,
А больше, мой друг, ничего». —

«Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!» —
«Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись...»

И правда (ну, задал задачу!),
Гляжу — близ меня никого...
В карман посмотрел — ничего...
Взглянул в свое сердце... и плачу.

30 декабря 1913 (3 января 1914)

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой — о Христе,
О газете — четвертый.
Два стихотворца (поклонники
Пушкина)
Книжки прислали
С множеством рифм и размеров.
Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпиграфов
(Из Надсона и символистов).
После — под звон телефона —
Посыльный конверт подавал,
Надушенный чужими духами.
Розы поставьте на стол —
Написано было в записке,
И приходилось их ставить на
стол...

После — собрат по перу,
До глаз в бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорва-

тов

Рассказывал долго.

Критик, громя футуризм,

Символизмом шпынял,

Заклучив реализмом.

В кинематографе вечером

Знатный барон целовался под

пальмой

С барышней низкого званья,

Ее до себя возвышая...

Всё было в отменном порядке.

Он с вечера крепко уснул

И проснулся в другой стране.

Ни холод утра,

Ни слово друга,

Ни дамские розы,

Ни манифест футуриста,

Ни стихи пушкиньянца,

Ни лай собачий,

Ни грохот тележный —

Ничто, ничто

В мир вернуть не могло...

И что поделаешь, право,

Если отменный порядок

Милого дольного мира

В сны иногда погрузит,

*И в снах этих многое снится...
И не всегда в них такой,
Как в мире, отменный порядок...*

*Нет, очнешься порой,
Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным,
Предчувствием тайным...
Буйно забьются в мозгу
Слишком светлые мысли...
И, укрощая их буйство,
Словно пугаясь чего-то, — не луч-
ше ль,
Думаешь ты, чтоб и новый
День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом?*

24 мая 1914

Говорят черти:

*Грещи, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи.*

*На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно.*

*Сверкнут ли дерзостные очи —
Ты их сверканий не отринь,
Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь».*

*Ведь всё равно — очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час
Ты, в испугленном покаяньи,
Проклясть замыслишь бедных,
нас.*

*И станешь падать — но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою*

О камень не преткнулся ты...

10 декабря 1915

8

Говорит смерть:

*Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумел,
Он разучился славить бога
И песни грешные запел.*

*Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.*

*Но он измучился — и ранний
Жар юности простыл — и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.*

*Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам — к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.*

*С него довольно славить бога —
Уж он — не голос, только — стон.*

*Я отворю. Пускай немного
Еще помучается он.*

10 декабря 1915

«Как день, светла, но непонятна...»

*Как день, светла, но непонятна,
Вся — явь, но — как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней — всегда весна.*

*Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.*

*Но я, не вслушиваясь строго
В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сияньи глаз и в дрожи плеч.*

*Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стихи,
—*

*Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила страсти*

—
Ничто пред холодом ума!..

20 февраля 1914

«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...»

*Ну, что же? Устало заломлены
слабые руки,
И вечность сама загляделась в по-
гасшие очи,
И муки утихли. А если б и были
высокие муки,—
Что нужды? — Я вижу печальное
шествие ночи.*

*Ведь солнце, положенный круг
обойдя, закатилось.
Открой мои книги: там сказано
всё, что свершится.
Да, был я пророком, пока это
сердце молилось,—
Молилось и пело тебя, но ведь
ты — не царица.*

*Царем я не буду: ты власти меч-
ты не делила.
Рабом я не стану: ты власти зем-
ли не хотела.
вот новая ноша: пока не откроет
могила*

*Сырые объятья, — тащиться без
важного дела...*

*Но я — человек. И, паденье свое
признавая,
Тревогу свою не смирю я: она всё
сильнее.
То ревность по дому, тревогою
сердце снедая,
Твердит неотступно: Что дела-
ешь, делай скорее.*

21 февраля 1914

ГОЛОС ИЗ ХОРА

Как часто плачем — вы и я —
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!

Лжи и коварству меры нет,
А смерть — далека.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Еще века, века!

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Всё небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —

*Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кри-
чать,
Как камень, канет...*

*Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!*

6 июня 1910 — 27 февраля 1914

КАРМЕН

Л. А. Д.

1

*Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет,*

*Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.*

4 марта 1914

*На небе — празелень, и месяца
осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер,
чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед послед-
ний колок,
И в сонный входит вихрь смятен-
ная душа...*

*что месяца нежней, что зорь за-
катных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не
говори:
В последнем этаже, там, под вы-
сокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...*

24 марта 1914

*Есть демон утра. Дымно-светел
он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь — перламутра переливы.*

*Но как ночью тьмой сквозит ла-
зурь,
Так этот лик сквозит порой
ужасным,
И золото кудрей — червонно-крас-
ным,
И голос — рокотом забытых
бурь.*

24 марта 1914

*Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: Ценою жизни
Ты мне заплатишь за любовь!*

18 марта 1914

*Среди поклонников Кармен,
Спешащих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою,
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас-Пастья,
Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет, не требует участия,
Когда же бубен зазвучит
И глухо зазвенят запястья,—
Он вспоминает дни весны,
Он средь бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.*

26 марта 1914

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий — таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере — ночь. Нельзя ды-
шать.
Нагрудник черный близко, близ-
ко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движениях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы.)
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к
Вам
Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,

*И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов — несчастному тому...
О, не глядеть, молчать — нет
мочи,
Сказать — не надо и нельзя...
И Вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете — в поступи истома,
И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне,—
Ваш образ, дорогой навек...*

*А там: Уйдем, уйдем от жизни,
Уйдем от этой грустной жизни!
Кричит погибший человек...
И март наносит мокрый снег.*

25 марта 1914

*Вербы — это весенняя таль,
И чего-то нам светлого жаль,
Значит — теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча,
И целую тебя я в плеча.*

*Этот колос ячменный — поля,
И залиvistый крик журавля,
Это значит — мне ждать у плет-
ня
До заката горячего дня.
Значит — ты вспоминаешь меня.*

*Розы — страшен мне цвет этих
роз,
Это — рыжая ночь твоих кос?
Это — музыка тайных измен?
Это — сердце в плену у Кармен?*

30 марта 1914

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, дикие сны,
И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спишь, змеєю склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастли-
вый,
И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий

*И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.*

*В том раю тишина бездыханна,
Только в куще сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и
странный,
Славит бурю цыганских стра-
стей.*

28 марта 1914

9

*О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно — я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!*

*Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрас-
ных,
Мои ночей, Кармен!*

*Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу*

За твой огонь — звездам!

*Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...*

*И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.*

*Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...*

*За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен,—
Пусть эта мысль предстанет
строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!*

28 марта 1914

*Нет, никогда моей, и ты ничьей
не будешь.*

*Так что так влекло сквозь бездну
грустных лет,*

*Сквозь бездну дней пустых, чье
бремя не избудешь.*

*Вот почему я — твой поклонник
и поэт!*

*Здесь — страшная печать отвер-
женности женской*

*За прелесть дивную — постичь ее
нет сил.*

*Там — дикий сплав миров, где
часть души вселенской*

*Рыдает, исходя гармонией све-
тил.*

*Вот — мой восторг, мой страх в
тот вечер в темном зале!*

*Вот, бедная, зачем тревожусь за
тебя!*

*Вот чьи глаза меня так странно
проводжали,*

Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон — летишь, ле-
тишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая ор-
бит,
И этот мир тебе — лишь крас-
ный облак дыма,
Где что-то жжёт, поет, трево-
жит и горит!

И в зареве его — твоя безумна
младость...
Всё — музыка и свет: нет сча-
стья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и
радость...
Но я люблю тебя: я сам такой,
Кармен.

31 марта 1914

«Петербургские сумерки СНЕЖНЫЕ...»

*Петербургские сумерки снежные.
Взгляд на улице, розы в дому...
Мысли — точно у девушки нежные,
А о чем — и сама не пойму.*

*Всё гляжусь в мое зеркало сонное...
(Он, должно быть, глядится в окно.
Вон лицо мое — злое, влюбленное!
Ах, как мне надоело оно!*

*Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы, —
Как давно они стали ничьи!*

*Муж ушел. Свет такой безобразный...
Всё же кровь розовеет... на свет...
Посмотрю-ка, он там или нет?
Так и есть... ах, какой неотвязный!*

14 мая 1914

ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ

*Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.*

*Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь — она вошла.
Вот она — с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.*

*Слышишь ты сквозь боль муче-
ний,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?*

*Это — легкий образ рая,
Это — милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Круг постылый бытия.*

Протянуться без желаний,

Улыбнуться навсегда,
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потомили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато —
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость —
Всё, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять — коварство, слава,
Злато, лесть, всему венец —
Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

*А когда пройдет всё мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.*

14 мая 1914

«Смычок запел. И облак душный...»

*Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послуш-
ный
Скользнул в объятия мои...
Не соловей — то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
Как там, в рыдающие звуки
Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...*

14 мая 1914

КОРОЛЕВНА

*Не было и нет во всей подлунной
Белоснежней плеч.
Голос нежный, голос многострун-
ный,
Льстивая, смеющаяся речь.*

*Все певцы полночные напевы
Ей слагают, ей.
Шепчутся завистливые девы
У ее немых дверей.*

*Темный рыцарь, не подняв забра-
ла,
Жадно рвется в бой;
То она его на смерть послала
Белоснежною рукой.*

*Но, когда одна, с холодной башни
Всё глядит она
На поля, леса, озера, пашни
Из высокого окна.*

*И слеза сияет в нежном взоре,
А вдали, вдали
Ходят тучи, да алеют зори,
Да летают журавли...*

*Да еще — души ее властитель,
Тот, кто навсегда —
Путь забыл в далекую обитель, —
Не вернется никогда!*

28 ноября 1908 — 16 мая 1914

«Я помню нежность ваших плеч...»

*Я помню нежность ваших плеч —
Они застенчивы и чутки.
И лаской прерванную речь,
Вдруг, после болтовни и шутки.*

*Волос червонную руду
И голоса грудные звуки.
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.*

*И то, что больше и странней:
Из вихря музыки и света —
Взор, полный долгого привета,
И тайна верности... твоей.*

1 июля 1914

«Ты жил один! Друзей ты не искал...»

*Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце.*

*«Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть!..»—
«Зачем? Средь бурного ненастья
Мы, всё равно, не можем сохранить
Неумирающего счастья!»*

26 августа 1914

«Грешить бесстыдно, непробудно...»

*Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.*

*Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.*

*Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.*

*А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.*

*И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,*

*И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.*

26 августа 1914

«Задобренные лесом кручи...»

*Задобренные лесом кручи:
Когда-то там, на высоте,
Рубили деды сруб горячий
И пели о своем Христе.*

*Теперь пастуший кнут не свистит,
И песни не сплет свирель.
Лишь мох сырой с обрыва виснет,
Как ведьмы сбитая кудель.*

*Навеки непробудной тенью
Ресницы мхов опушены,
Спят, убаюканные ленью
Людской врагини — тишины.*

*И человек печальной цапли
С болотной кочки не спугнет,
Но в каждой тихой, ржавой капле
—
Зачало рек, озер, болот.*

*И капли ржавые, лесные,
Родясь в глуши и темноте,*

*Несут испуганной России
Весть о сжигающем Христе.*

Октябрь 1907 — 29 августа 1914

«Та жизнь прошла...»

*Та жизнь прошла,
И сердце спит,
Утомлено.
И ночь опять пришла,
Бесстрашная — глядит
В мое окно.*

*И выпал снег,
И не прогнать
Мне зимних чар...
И не вернуть тех нег,
И странно вспоминать,
Что был пожар.*

31 августа 1914

«Была ты всех ярче, верней и прелестней...»

*Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская
песня,
Как те невозвратные дни...*

*Что было любимо — всё мимо,
мимо,
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!*

31 августа 1914

«Ветер стих, и слава заревая...»

Моей матери

*Ветер стих, и слава заревая
Облекла вон те пруды.
Вон и схимник. Книгу закрывая,
Он смиренно ждет звезды.*

*Но бежит шоссейная дорога,
Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради бо-
га,
Не хрусти, песок!*

*Славой золотеет заревою
Монастырский крест издале-
ка.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобу-
ка?.*

*И опять влечет неудержимо
Вдаль из тихих мест
Путь шоссейный, пробегая мимо,
Мимо инока, прудов и звезд...*

AВГУСТ 1914

ЖЕНЩИНА

Памяти Августа Стриндберга

*Да, я извела все муки,
Мечтала жадно о конце...
Но нет! Остановились руки,
Живу — с печалью на лице...*

*Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.
Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!*

*Я принесла цветов любимых
К могиле на закате дня...
Но кто-то ходит, ходит мимо
И взглядывает на меня.*

*И этот взгляд случайно встреча,
Я в нем внимание прочла...
Нет, я одна на целом свете!..
Я отвернулась и прошла.*

*Или мой вид внушает жалость?
Или понравилась ему
Лица печального усталость?
Иль просто — скучно одному?..*

Нет, лучше я глаза закрою:
Он строен, он печален; пусть
Не ляжет между ним и мною
Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами
Стоит, он подошел в упор...
Ему я гневными речами
Уже готовлюсь дать отпор,—

И вдруг, с мучительным усиьем,
Чуть слышно произносит он:
«О, не пугайтесь. Здесь в могиле
Ребенок мой похоронен».

Я извинилась, выражая
Печаль наклоном головы;
А он, цветы передавая,
Сказал: «Букет забыли вы».—

«Цветы я в память встречи с ва-
ми
Ребенку вашему отдам...»
Он, холодно пожав плечами,
Сказал: «Они нужнее вам».

Да, я винюсь в своей ошибке,
Но... не прощу до смерти (нет!)

*Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!*

Август 1914

«Петроградское небо мутилось дождем...»

*Петроградское небо мутилось до-
ждем,*

*На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и
штык за штыком*

Наполнял за вагоном вагон.

*В этом поезде тысячью жизнью
цвели*

*Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закат-
ной дали*

Были дымные тучи в крови.

*И, садясь, запевали Варяга одни,
А другие — не в лад — Ермака,
И кричали ура, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.*

*Вдруг под ветром взлетел опада-
ющий лист,*

*Раскачнувшись, фонарь зами-
гал,
И под черною тучей веселый гор-*

нист

Заиграл к отправленью сигнал.

И военной славой заплакал рожок,

Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший свисток

Заглушило ура без конца.

Уж последние скрылись во мгле буфера,

И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей всё несло к нам ура,

В грозном клике звучало: пора!

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,

Несмотря на дождливую даль.

Это — ясная, твердая, верная сталь,

И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость — ее заглушает пожар,

*Гром орудий и топот коней.
Грусть — ее застилает отравлен-
ный пар
С галицийских кровавых по-
лей...*

1 сентября 1914

«Рожденные в года глухие...»

3. Н. Гиппиус

*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России
—
Забывать не в силах ничего.*

*Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль
весть?
От дней войны, от дней свободы
—
Кровавый отсвет в лицах есть.*

*Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных ко-
гда-то,
Есть роковая пустота.*

*И пусть над нашим смертным
ложем
Взовьется с криком воронье,—
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!*

8 сентября 1914

АНТВЕРПЕН

*Пусть это время далеко,
Антверпен! — И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.*

*И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, до-
кам,
И пахнет снастью и смолой.*

*Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...*

*А ты—во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись...*

Но всё — притворство, всё — об-

ман:

*Взгляни наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.*

5 октября 1914

«Он занесен — сей жезл железный...»

Он занесен — сей жезл железный

*—
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной без-
дной
Среди сгущающейся тьмы.*

*Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее лица.*

*И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозя,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.*

3 декабря 1914

«Я не предал белое знамя...»

*Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой — одни у валов.*

*Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.*

*Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.*

*А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.*

3 декабря 1914

«Разлетясь по всему небосклону...»

*Разлетясь по всему небосклону,
Огнекрасная туча идет.
Я пишу в моей келье мадонну,
Я пишу — моя дума растет.*

*Вот я вычертил лик ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла.*

*Огнекрасные отсветы ярче
На суровом моем полотне...
Неотступная дума всё жарче
Обнимает, прильнула ко мне...*

25 декабря 1914

«Распушилась, раскачнулась...»

*Распушилась, раскачнулась
Под окном ветла.
Божья мать улыбнулась
С красного угла.*

*Отложила молодица
Зимнюю кудель...
Поглядет, как веселится
В улице апрель!*

*Раскрутился над рекою
Красный сарафан,
Счастьем, удалью, тоскою
Задышал туман.*

*И под ветром заметались
Кончики платка,
А прохожим примечтались
Алых два цветка.*

*И кто шел путем-дорогой
С дальнего села,
Стал просить весны у бога,
И весна пришла.*

25 декабря 1914